

С. В. Потрашков

Военнопленные Великой армии в Слободско–Украинской губернии

Среди проблем, связанных с войной 1812 г., судьба военнопленных наполеоновской армии в России относится к числу наименее изученных. Лишь сравнительно недавно отечественные ученые обратили на нее вниманиеⁱ.

В государственном архиве Харьковской области, в фонде канцелярии губернатора, хранится значительное количество дел, касающихся военнопленных. Содержащиеся в них сведения позволяют воссоздать картину пребывания солдат Великой армии на территории губернии в 1812–1814 гг. Автор надеется, что приведенные им факты окажутся полезными при создании в будущем всестороннего обобщающего труда по рассматриваемой теме.

Военнопленных, оказавшихся в Слободско–Украинской губернии, можно условно разделить на две категории. К первой мы отнесем лиц, которым губерния была определена местом постоянного проживания в плену, ко второй — “транзитников”, следовавших через губернию в другие области империи.

Точную дату появления военнопленных на Харьковщине определить затруднительно, так как часть документов, относящихся к концу 1812 г., утрачена. Из сохранившихся финансовых ведомостей видно, что с июля 1812 г. отпускались средства на содержание 4–х “шляхтичей”ⁱⁱ. Ни их имен, ни званий в документах обнаружить не удалось. Вероятно, “шляхтичи” были штатскими лицами, интернированными как подданные враждебной державы. В сентябре в Харьков был прислан бригадный генерал Грациан Ферье — офицер Почетного легиона, командор Королевского ордена Обеих Сицилий, служивший начальником штаба у Неаполитанского короляⁱⁱⁱ. С ним прибыл слуга — поляк–егерь Томаш Фленский. Продолжительное время Ферье и его слуга оставались единственными пленными, поселенными в губернском городе. В апреле 1813 г. к ним присоединились еще два француза: Фредерик де Бисси — полковник, исполнявший должность дежурного генерала в 3–й кирасирской дивизии и Жорж Пуарель — майор артиллерии, директор

артиллерийских транспортов при Великой армии^{iv}. В конце того же месяца из Чернигова в Харьков прибыли польский бригадный генерал Доминик Дзевановский, его адъютант Клиховский, полковник Михаил Сур и подполковник Рогивский^v. В мае — поручики Ольшевский и Катович, а так же еще один француз — капитан генерального штаба Карл Понтрегли^{vi}. С этого времени количество военнопленных, присылаемых на жительство в губернию, неуклонно возрастает. В конце мая их было 23 человека, в июне — 112, июле — 139, августе — 159, сентябре — 178, ноябре — 195, декабре — 208 человек^{vii}.

Куда более значительным оказалось число “транзитников”. В октябре 1812 г. русские власти приняли решение перевести военнопленных поляков из всех губерний на Кавказ, в крепость Георгиевск. Примерно 4000 из них должны были проследовать туда через территорию Слободско–Украинской губернии^{viii}. В связи с этим возникла проблема обеспечения партий пленных необходимым числом конвоиров. Командир Харьковского внутреннего гарнизонного батальона подполковник Шарапов доносил губернатору 18 апреля 1813 г., что из-за некомплекта офицеров и солдат в батальоне он не в состоянии выделить положенное количество людей для сопровождения пленных и просил найти для этой цели “обывателей пристойное число” и от “гражданского начальства дворянских чиновников”^{ix}. Губернатор был вынужден обратиться к уездным предводителям дворянства, чтобы собрания дворян избрали по два человека “надежных дворян, которым бы можно было поручить тех пленных”. Чтобы добиться исполнения своего распоряжения, ему пришлось прибегнуть к угрозе: “Ежели кто из них станет паче чаяния откажется от исправления возлагаемой на него порученности напрасно, то не только отдан будет под суд но и доложено от меня будет вышнему начальству”^x.

Численность “транзитников” в 1813 г. действительно оказалось внушительной. По нашим подсчетам через губернию проследовало в мае 356 чел., июне — 860, июле — 254, августе — 1525, сентябре — 1242, октябре — 1163 человека^{xi}.

В первые месяцы 1814 г. количество военнопленных, размещенных на жительство в Харьковской губернии, существенно не изменилось.

На начало апреля их было 225 чел., в том числе французов — 5, австрийцев — 2 и поляков — 218^{xii}. Тогда же в губернию прибыла большая партия пленных из состава Данцигского гарнизона — 47 штаб и обер-офицеров, 644 унтер-офицеров и рядовых и 4 женщины^{xiii}. Необходимость присмотра за столь большим числом военнопленных снова породила проблему для местных властей. В ответ на предписание губернатора выделить для охраны пленников 3-х унтер-офицеров и 49 солдат, подполковник Шарапов рапортовал 10 апреля 1814 г.: “Едва ли мог с великой трудностью нарядить унтер-офицеров 2х.. рядовых 30 человек навремя, потому что находящихся в остроге в карауле сменить будет не кем...”^{xiv}

Из вновь прибывших 94 человека были оставлены в Харькове, а остальные побатальонно размещены в уездных городах Ахтырке, Богодухове и Лебедине. В мае 1814 г. численность военнопленных в Слободско-Украинской губернии достигла своего пика, составив почти тысячу человек. В том же месяце, в связи с окончанием военных действий, начинается процесс репатриации пленных. Собственно, он начался еще в 1813 г., когда, по мере присоединения к антинаполеоновской коалиции все новых государств, из Петербурга последовали предписания разыскивать среди пленных и отправлять на родину союзных подданных. Из таковых в губернии отыскан лишь один человек — венгр из Бачки Юзеф Надзи, прослуживший 12 лет в австрийской армии и шесть в польской. В плену Надзи вел себя “очень хорошо” и выразил желание поступить на службу в русскую или австрийскую армию. В январе 1814 г. из Петербурга пришло указание его “как австрийского подданного отправить в отечество на обыкновенном положении”^{xv}.

В конце мая 1814 г. из Харькова в Белосток была отправлена партия поляков в составе генерала, его адъютанта, 13 офицеров и чиновников и 8 их служителей^{xvi}. В июле из Ахтырки в Белосток отбыла и первая партия солдат Данцигского гарнизона. Летом через губернию потянулись домой с Кавказа поляки. Их отправляли партиями по 200 человек. “Тех, кто из прусских владений — в Белосток, из Галиции — в Радзивиллов, тех которые из российских губерний — к начальникам оных”. До конца августа 1815 г. через губернию проследовали 32 партии военнопленных, суммарная численность которых, из-за

неполноты архивных документов, не поддается точному учету^{xvii}.

Расходы, связанные с транспортировкой и расселением пленных, брало на себя государство. В предписании от 5 сентября 1812 г. Экспедиция о государственных доходах дала указание Слободско-Украинской казенной палате отпускать по требованию губернатора деньги на содержание и отправление пленных. С июля 1812 г. по январь 1813 г. на эти нужды было издержано 409 руб. 87 коп. С января по май 1813 г. — 1 238 руб. 50 коп., в мае — 5 415 руб. 48 коп., июне — 10 003 руб. 35 коп., июле — 4 829 руб. 21 коп., августе — 12 450 руб. 50 коп., сентябре — 11 858 руб. 42 коп., октябре — 9 495 руб. 19 коп.^{xviii} Причем около 2/3 месячных сумм уходило на содержание “транзитников”.

В ноябре 1812 г. циркуляром Главного командующего в С.-Петербурге губернским властям было предписано заботиться о снабжении военнопленных теплой одеждой. Несмотря на повеление императора, возложившего ответственность за “снабжение одеждою приличною времени года” на “губернатора той губернии, в которую с самого начала партия пленных вступает”, немало их продолжало поступать в Слободско-Украинскую губернию, не имея подходящей одежды. Положение усугублялось еще и тем, что многие пленные, получая мизерное содержание, не были в состоянии приобрести одежду за свой счет. Так, “польской службы уланского полку” подпоручик Александр Монастырский, в прошении на имя губернатора жаловался, что претерпевает “в одеянии себя крайность, дабы от зимнего холоду не получить в здоровье повреждения, и могущих последовать болезней, ибо я с получаемых ныне на день 50 копеек денег одеть себя не могу”^{xix}. В качестве разового вспомоществования таким лицам в октябре 1813 г. правительство распорядилось выдать пособие в сумме 100 руб. на человека. До марта 1814 г. в Слободской губернии им воспользовались 178 человек^{xx}.

Среди причин, по которым пленные терпели лишения, были нераспорядительность, а порой и злоупотребления со стороны чиновничества, ответственного за их обеспечение всем необходимым. Упомянутый подпоручик Монастырский объяснял свое бедственное положение тем, что ему недодали полагающееся жалование в пору пребывания в Смоленской губернии. Другой поляк — поручик Ильинский — жаловался на начальника конвоя, который присвоил

часть его денег. Несмотря на следовавшие из столицы в губернский центр и оттуда в уезды строгие предупреждения, ситуация не претерпела изменений. В мае 1814 г. полковник Шапель из Данцигского гарнизона жаловался, что 22 офицера и солдата, содержащихся в Харькове, не получили положенных денег за предыдущий месяц^{xxi}.

Впрочем, положение в плену не шло ни в какое сравнение с бедствиями во время отступления из Москвы. Заболеваемость и смертность среди лиц, находившихся в Слободско-Украинской губернии не была высокой. Хотя обнаруженные нами сведения об этой стороне жизни пленных фрагментарны, но и они позволяют сделать кое-какие выводы. Так, за период с января по ноябрь 1813 г. из общего количества пленных в губернии, больные, требовавшие отдельного содержания отмечены лишь в июне — 13 чел., августе — 15, сентябре — 11 чел.^{xxii} Как видно, число больных невелико и стабильно. Правда, можно предположить, что в зимние месяцы дела обстояли хуже. Однако приводившиеся выше сведения о численности военнопленных за 1813–14 гг. не дают оснований говорить о высокой смертности среди них.

Хуже обстояло дело с “транзитниками”. Согласно имеющемуся в архиве рапорту начальника конвоя одной из партий пленных, следовавших из Георгиевска в Белосток, числом в 205 чел. (в том числе четыре женщины и один ребенок), он оставил в Ставропольском госпитале 10 человек, в Ростовском — 8, Изюмской — 10. Три человека в пути умерли. Среди дошедших до Харькова было трое больных и 10 “слабосильных”^{xxiii}. Таким образом, санитарные потери составили 16 %. Если учесть, что Харьков расположен примерно на середине пути до пункта назначения, то по прибытии туда потери могли составить 30–40 %.

Главным источником существования пленных было выделяемое казной жалование. Стремясь сократить эту статью расходов, а также извлечь некоторую выгоду из наличия большого числа пленных, российские власти выказывали намерение использовать их труд в народном хозяйстве и даже привлечь к службе в армии^{xxiv}. В канцелярию Харьковского губернатора неоднократно поступали из столицы предписания о необходимости отбирать среди пленных “художников, мастеровых и работников”, тех “кои были употребляемы

к работам при горных заводах и при рудниках”, те “кто из них суконного мастерства” и т.п.^{xxv} Фактов использования военнопленных на каких-либо работах в казенных учреждениях или предприятиях Слободской губернии нами по архивным данным не обнаружено. Исключение составили медики. В октябре 1813 г. губернатор предписал Слободско-Украинской врачебной палате и харьковскому полицеймейстеру трех польских лекарей:

Фердинанда Вагнера, Симона Свитковского и Станислава Романовского, “так как они на сие звание их никаких документов не имеют”, направить во врачебную управу, где “сделать им надлежащее испытание знают ли практику в лечении...” В ходе экзаменовки выяснилось, что “Вагнер сведущ довольно в производстве врачебной практики, а Свитковский посредственно”. В январе оба лекаря были отправлены на жительство в Волчанск, причем Вагнеру было дозволено “производить по городу практику и заниматься пользованием больных в городской больнице”. В Харькове с октября 1813 г. практиковали два других польских врача — Северин Лашкевич и Федор Гушпека^{xxvi}.

Более широкое применение нашел труд военнопленных в качестве разного рода прислуги, как у лиц из местного населения, так и у своих товарищей. Порой между пленными и хозяевами возникали трудовые конфликты, арбитром в которых выступали губернские власти. Из рапорта Ахтырского городничего, датированного октябрем 1813 г., мы узнаем что в слободе Боромля, у жены майора Сумского гусарского полка Гежелинского, проживали вдова французского офицера Терезия Клешенцова и сержант 8-го вестфальского полка Карл Эйфальт. Оба они были “трофеями” майора, причем, с их слов, Клешенцову он пригласил к жене в компаньонки, а сержанта — для обучения сына иностранным языкам. Однако, попав в дом майорши Гежелинской, они оказались в роли прислуги и, недовольные своим положением, обратились к властям с просьбой отправить их “куда следует”. При расследовании выяснилось, что Гежелинская “на иностранцев никакого письменного вида не имеет, а присланы к ней от мужа при партикулярном письме, что пленные посылаются для прислуги”. Губернатор наложил на рапорт городничего резолюцию — иностранцев у майорши отобрать и выслать в Харьков. Дальнейшая их участь неизвестна^{xxvii}.

Поступление одних военнопленных в услужение к другим (причем и слуги и хозяева могли быть в равных офицерских званиях) диктовалось не столько экономическими мотивами, сколько желанием находиться в обществе соотечественников. Порой к этому способу прибегали, дабы избежать отправки в более отдаленные края. В июне 1813 г., занимаясь розыском пленных, бежавших из партии, направлявшейся в Георгиевск, власти обнаружили в г. Ахтырка кроме поселенных здесь 17 человек еще шестерых. Последние объявили, что по приглашению своих товарищей служат у них денщиками^{xxviii}.

Некоторые из проживавших в губернии пленных изъявили желание стать российскими подданными. Любопытно, что в августе 1813 г., когда уездным городничим было поручено опросить пленных на предмет смены подданства, желающих не нашлось. Исключение составил только подпоручик Юзеф Кемпинский^{xxix}. Но поскольку этот офицер имел дурную репутацию пьяницы и дебошира и даже состоял под судом за поединок с товарищем, ему было отказано. По мере приближения конца войны, очевидно понимая, что карьера в польской армии окончена, некоторые пленные переменили отношение к вопросу о гражданстве. В декабре 1813 г. подпоручик Синакевич подал прошение о вступлении в российское подданство и определении на военную службу. Выразил желание присягнуть на верность России капитан Петр Шервинский, о котором было известно, что он “худого поведения, обращается без пристанно в пьянстве”. В мае 1814 г. рядовые Антоний Будакович и Петр Никитович пожелали остаться в России и записаться по городу Харькову в мещане, а Юзеф Олаховский — поступить в казенные обыватели. Даже француз — полковник Бисси — подал в феврале 1814 г. прошение о принятии в российское подданство^{xxx}.

Чем окончились перечисленные ходатайства, из имеющихся документов не видно.

В заключение отметим, что, несмотря на все трудности и лишения, вызванные самим фактом пленения, положение солдат Великой армии, содержащихся в Слободско-Украинской губернии, было вполне удовлетворительным. Нами не обнаружен ни один факт враждебного или предубежденного отношения к ним как со стороны властей, так и населения. Местные власти добросовестно выполняли возложенные на них в отношении пленных обязанности, снабжая последних всем

необходимым и обнаруживая добрую волю в разрешении имевших порой место конфликтов и недоразумений.

Примечания

- ⁱ *Иванов К.В.* Система финансирования военнопленных 1812–1814 гг. // *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы науч. конф. Бородино, 1997, с. 198–207; Бессонов В.А.* Военнопленные 1812 г. в Калужской губернии // *185 лет Отечественной войне 1812 г. Сб. статей. Самара, 1997, с. 63–78.*
- ⁱⁱ Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 3, оп. 20, ед. хр. 20, л. 53.
- ⁱⁱⁱ Там же, оп. 19, ед. хр. 11, л. 6, 20.
- ^{iv} Там же, оп. 20, ед. хр. 98, л. 16.
- ^v Там же, оп. 19, ед. хр. 11, л. 27.
- ^{vi} Там же, л. 41, 45.
- ^{vii} Там же, оп. 19, ед. хр. 15, л. 33, 39, 54.
- ^{viii} Там же, оп. 19, ед. хр. 16, л. 48–53.
- ^{ix} Там же, л. 39.
- ^x Там же, л. 44–46.
- ^{xi} Там же, оп. 20, ед. хр. 20, л. 53–74.
- ^{xii} Там же, оп. 19, ед. хр. 15, л. 54.
- ^{xiii} Там же, оп. 23, ед. хр. 30, л. 8.
- ^{xiv} Там же, л. 34.
- ^{xv} Там же, оп. 20, ед. хр. 137, л. 1, 3, 8.
- ^{xvi} Там же, оп. 23, ед. хр. 534, л. 13, 14.
- ^{xvii} Там же, оп. 25, ед. хр. 86, л. 40; Там же, оп. 23, ед. хр. 409, л. 43.
- ^{xviii} Там же, оп. 20, ед. хр. 20, л. 53–74.
- ^{xix} Там же, оп. 19, ед. хр. 12, л. 81.
- ^{xx} Там же, оп. 20, ед. хр. 101, л. 76–78.
- ^{xxi} Там же, оп. 19, ед. хр. 12, л. 81; Там же, ед. хр. 14, л. 3; Там же, оп. 23, ед. хр. 307, л. 160.
- ^{xxii} Там же, оп. 20, ед. хр. 20, л. 60, 66, 70.
- ^{xxiii} Там же, оп. 23, ед. хр. 408, л. 84.
- ^{xxiv} *Сироткин В.Г.* Судьба французских солдат в России // *Вопросы истории. 1974, № 3, с. 129–136; Иванов К.В.* Французы–казаки // *185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара, 1997, с. 91–95.*
- ^{xxv} Там же, оп. 19, ед. хр. 16, л. 13, 14; Там же, ед. хр. 800, л. 118.
- ^{xxvi} Там же, оп. 19, ед. хр. 12, л. 27, 114; Там же, ед. хр. 14, л. 113.
- ^{xxvii} Там же, оп. 19, ед. хр. 12, л. 19, 20.
- ^{xxviii} Там же, оп. 20, ед. хр. 105, л. 2–8.
- ^{xxix} Там же, оп. 19, ед. хр. 14, л. 83.
- ^{xxx} Там же, оп. 20, ед. хр. 3, л. 27–36.